

НАЗАД В СССР

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

доктора Мартынова

АНДРЕЙ ЖЕНИН

Назад в СССР (Союз писателей)

Андрей Женин

**Детство и юность
доктора Мартынова**

«Издательство «Союз писателей»

2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Женин А.

Детство и юность доктора Мартынова / А. Женин —
«Издательство «Союз писателей», 2026 — (Назад в СССР (Союз
писателей))

ISBN 978-5-00255-637-3

Семидесятые. Эпоха брежневского застоя во всей красе. Алексей Мартынов, будущее светило отечественной медицины, еще маленький и только начинает познавать жизнь с нуля. Нет того, что Леше не было бы интересно или того, что вслед за взрослыми он не захотел бы попробовать. В школе и во дворе, с друзьями по даче и одноклассниками он пускается во всяческие авантюры, не задумываясь о последствиях и не боясь наказания. От безобидных шалостей и забавных каверз до подростковых увлечений и приключений на грани фола Алексей проходит путь из детства в юность, напрямую к бурному студенчеству под дружные аплодисменты и гомерический хохот читателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00255-637-3

© Женин А., 2026
© «Издательство «Союз
писателей», 2026

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Моя семья	9
Деревня Клюквино	14
Курильщики	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Женин

Детство и юность доктора Мартынова

© Женин А., текст, 2026

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2026

© ИП Соседко М. В., издание, 2026

* * *

От автора

Дорогой читатель!

Эта книга предназначена для граждан любого пола, возраста и уровня образования, которые по-прежнему любят ироничную литературу, и особенно для тех, кому небезразличны жизненные перипетии скромного доктора Алексея Мартынова.

Рассказ ведется от первого лица только лишь для простоты изложения. Все персонажи и места действия являются исключительно плодом литературного вымысла. Любое сходство с реальными людьми и событиями следует рассматривать как случайное совпадение.

Читайте с удовольствием. Надеюсь, скучно не будет!

*Искренне ваш,
Андрей Женин*

Пролог

Если вы, дорогой читатель, желаете узнать, насколько ваш собеседник склонен к фантазиям, преувеличениям и прочим вымыслам (говоря проще, к вранью), стоит всего лишь спросить: «Каковы ваши первые детские воспоминания?»

Ответы на данный, казалось бы, простой вопрос поражают своим разнообразием. Как выясняется, примерно половина человечества легко вспоминает вкус материнского молока и первой трагедией своей нелегкой жизни – возможно, повлекшей за собой последующие проблемы и неудачи, – считает жестоко отобранную тиранами-родителями под разными абсолютно надуманными предлогами любимую соску. Значительно меньшая часть, заламывая руки, вспоминает ужасы прохождения через родовые пути, счастье первого вдоха и обиду на акушерку за шлепок по только что появившейся на свет божий заднице. Некоторые персонажи, мечтательно подняв глаза к небу, в подробностях рассказывают о томительных днях и ночах, проведенных в утробе матери, а особо талантливые в деталях помнят, что чувствовал сперматозоид в процессе проникновения в яйцеклетку в момент зачатия. Подозреваю, что именно из последней категории граждан в итоге формируется основная масса политиков, министров и прочих президентов.

Ваш покорный слуга, к сожалению – или к счастью! – относится к другой половине жителей Земли, к тем, кто начинает идентифицировать себя никак не раньше лет четырех. Нет, конечно, если надо изобразить романтическую картину перед глазами понравившейся девушки, – не вопрос, можно и про месяцы дайвинга в мамином животе рассказать. Но это будет уже неприкрытая ложь, в которую может поверить только юная особа, втайне желающая быть обманутой.

На самом деле мое первое четкое воспоминание о себе любимом относится годам к четырем-пяти.

Утро. Мы сидим за столом, залитым солнечным светом: бабушка, мама, старшая сестра Лена и я. В тарелке передо мной – манная каша, которую я терпеть не могу. Есть хочется, но только не кашу. Знаю точно, что, пока не съем хотя бы половину, ничего другого не получу. Напротив меня – нахальная Ленка с задранной носом, поглядывающая на меня свысока. Как-то сама собой приходит в голову светлая идея, которая моментально реализуется: я оттягиваю ложку с кашей и запускаю заряд точно в Ленкин лоб. Получается замечательно! Сестрица, с ненавистью утирая физиономию, вопит: «Ах ты, мелкий гаденьш!», а я пытаюсь делать ангельский вид, дескать, ни при чем. Не проходит: меня выгоняют из-за стола и ставят в угол. «Подумай о своем поведении, – строго произносит мать. – Пусть тебе будет стыдно». Мне абсолютно не стыдно, но стою и всхлипываю, потому что обидно...

* * *

А за окном резвятся первомайскими демонстрациями и военными парадами семидесятые годы двадцатого века, период брежневского застоя. На прилавках магазинов еще кое-что есть, КПСС уверенно ведет народ к победе коммунизма, невзирая на происки империализма и агрессии, а генсек правящей партии Леонид Ильич пока еще в состоянии самостоятельно взобраться на трибуну Мавзолея и даже уверенно произнести слово «систематически» (десятью годами позже злые языки будут передразнивать своего стремительно дряхлеющего лидера обидным «сиськи-масиськи»). Первые евреи начинают экспортировать умы за кордон, и эта тема моментально начинает обрастать политическими анекдотами, например: «Выезжает Абрам на ПМЖ в Израиль, на таможне сотрудник КГБ ему говорит: „Что, думаешь, там лучше?»

Там хорошо, где нас нет!“ Тот кивает: „Таки я и еду туда, где вас нет!“». Американцы высаживаются на Луну, готовится совместная советско-американская космическая программа «Союз – Аполлон», от которой в дальнейшем в народной памяти останутся лишь недешевые сигареты с одноименным названием...

Но всего этого еще не знал маленький мальчик, поставленный в угол за вполне безобидную шутку...

Моя семья

В большой квартире в центре города жила обыкновенная советская семья. Самым старшим в ней был дедушка Виктор Иванович, сухой старик с благообразной внешностью, до самых последних лет жизни работавший мелким клерком в каком-то министерстве. Он был давно разведен с бабушкой Валей, дамой творческой и увлекающейся, успевшей после драматического расставания с ним сменить нескольких мужей и в итоге остаться одной. Наша мама Оля – по совместительству дочь Валентины и Виктора Ивановича – приложила героические усилия для воссоединения семьи под одной крышей, которые увенчались частичным успехом. Частичным, поскольку бабушка с дедушкой до конца своих дней так и жили рядом как сильно надоевшие друг другу соседи. К счастью, дед, которого бабуля за глаза презрительно называла ВИ, уходил на службу, когда она еще спала, а возвратившись домой, быстро ужинал и отправлялся к себе в комнату, где смотрел телевизор, попивая красное вино под яблочко и конфетки «Барбарис» – по его собственному утверждению, так он боролся с радиацией. Когда ВИ садился ужинать, его бывшая поджимала губы и, нарочито громко хлопая дверью, величественно удалялась. Это театральное действие повторялось ежедневно, поэтому никто давно уже внимания на него не обращал.

Мама работала школьной учительницей и, возможно, в силу профессии была женщиной строгой, но справедливой. Она много курила, смешно надувая щеки, и частенько ругалась с бабушкой Валей на почве принципиальных разногласий в вопросе воспитания детей. Мать являла собой образец традиционного патриархального представления о жизни, краеугольными камнями которого были слова «долг», «надо», «положено». Валентина придерживалась взглядов демократичных, и я, надолго оставаясь с ней в будни, чувствовал себя вполне вольготно. Бабуля практически все мне разрешала, замечаний не делала, тем самым зарабатывая себе дешевый авторитет, и я очень любил бывать с ней вдвоем. Меня неоднократно пытались отдать в детский сад, но по непонятной случайности я каждый раз страшно заболел (страдали то голова, то животик, то еще что-то) и, горячо поддерживаемый не желающей скучать в одиночестве Валентиной, оставался дома до полного выздоровления. В результате на меня махнули рукой, и радости пребывания в дошкольном учреждении я так и не познал.

Отец Леонид был юристом и Девой по гороскопу, в силу чего характер имел весьма сложный, отличался капризностью, подозрительностью и ужасной занудливостью. При этом он искренне любил всех нас, старался баловать и делать подарки. Работал отец обычно допоздна, а по большим праздникам, когда приходило много гостей, любил приготовить что-нибудь вкусненькое и делал это, надо признать, великолепно. Его холодец, судак по-польски или сациви неизменно пользовались заслуженным успехом. Хвалили его всем миром, а он в такие моменты был абсолютно счастлив, купаясь в лучах славы, благо к комплиентам был очень чувствителен. Вне дней приемов готовкой занималась мать, а отец, страдавший всевозможными желудочными заболеваниями, требовал постоянных диетических разносолов, постепенно приводя свою далеко не безобидную супругу в тихую ярость с дальнейшим перевоплощением в разъяренную львицу. Процесс был циклическим и выглядел примерно так.

Утро. Все собираются на работу или учебу, мама готовит завтрак. Отец, тщательно выбритый и умытый, в широких семейных трусах и майке, с тоскливым выражением лица теревит в руках ложку. Наконец мать накладывает ему в тарелку манную (гречневую, рисовую, пшеничную...) кашу. Папа пробует стряпню и тихим голосом печально произносит:

– Опять каша пересолена... – Чуть позже добавляет: – И чай опять холодный...

Мама бросает на него короткий взгляд, но молчит. Спустя время все расходится по своим делам.

На следующий день история повторяется, разве что с некоторыми нюансами. Сняв пробу, глава семьи раздраженно восклицает:

– Каша снова пригорела! – И добавляет: – А чай пить невозможно вообще: крутой кипяток!

Он швыряет ложку и выскакивает из-за стола. Мама провожает его долгим проницательным взглядом.

Третий день цикла. Папаня истошно вопит:

– Ты надо мной издеваешься! Неужели трудно доварить кашу и хоть чуть-чуть ее послать?! Ты ведь знаешь, что у меня больной желудок! Хочешь уморить меня раньше времени?!

– Вот теперь ты меня достал окончательно, – раздается после небольшой паузы грозный голос матери в унисон с глухим стоном кастрюли, брошенной в помойное ведро. – Я в гробу видала твою кашу и тебя вместе с ней! Готовь себе сам что хочешь, я же больше палец о палец для тебя не ударю!

Быстрые шаги, стук захлопнувшейся двери, дрожание стен... тишина...

Два следующих утра мама игнорирует кухню и сидит у себя. Отец со страдальческим выражением лица поглощает бутерброд, а когда жена-змеюка высовывается из комнаты, морщится и держится за живот, демонстрируя нечеловеческие муки. Еще пару дней возвратившаяся к своим обязанностям хозяйка дома, положив на тарелку еду, смотрит с подозрением на супруга, которого теперь, видимо, все устраивает, ибо трапезничает молча, не высказывая недовольствия. Ну а далее все повторяется вновь. И так дни, недели, годы...

Эти утренние драматические спектакли повлекли за собой два последствия: позитивное и негативное. Во-первых, в будущем я никогда и никому не предъявлял претензий по качеству стряпни, следуя принципу: не нравится – не ешь, так что те, кто готовил для меня в течение жизни, были намного счастливее моей мамы. Во-вторых, я люто невзлюбил все виды каш и, как только стал достаточно взрослым, чтобы иметь право выбора, полностью выбросил их из своего рациона. В нежном же детском возрасте, когда особо никто не спрашивал, хочу я чего-то или не хочу, приходилось прибегать к различным ухищрениям для поглощения постылого варева из круп с наименьшим отвращением. Лучше всего мне удавалось это проделывать с манной кашей летом в деревне. Я брал свежую клубнику, благо до грядки путь был недолог, крупные ягоды разрезал пополам, те, что помельче, оставлял целыми – и выкладывал всю поверхность тарелки с кашей так, чтобы даже проплешин белых не было видно. Поскольку клубники в итоге получалось больше, чем ненавистой манки, блюдо съедалось целиком и даже с некоторым удовольствием.

Еще в нашей большой квартире жила Ленка, появившаяся на свет на семь лет раньше меня. Первый блин моих родителей в процессе деторождения, на мой скромный детский взгляд, вышел комом; последующий, как водится, получился значительно качественнее. Противная девчонка с толстой косой и нахальной физиономией приводила меня в бешенство. К тому же мне казалось, что родители относятся к ней совершенно необъективно, да и вообще любят гораздо больше. Справедливости ради следует заметить, что по мере моего взросления сестрица поразительно умнела и становилась существенно лучше, но причины этих метаморфоз так и остались мне неизвестны, да и происходили они много позже. Маленький же мальчик Алеша испытывал к Ленке глубокую личную неприязнь и стремился напакостить ей любыми доступными способами, коих в его арсенале было немало, ибо, надо честно признаться, по образу и характеру в детском возрасте он очень напоминал известного литературного персонажа – Мальчиша-Плохиша.

Спрятать дневник сестры перед самым ее выходом в школу, случайно поставить кляксу в тетрадь, высыпать полсолонки в суп и добавить для верности сахара, намазать стул вареньем, а в домашнюю тапочку положить кашу – эти и многие другие мелкие шалости с завидной вариативностью использовал я, чтоб досадить Ленке. Та злилась, рыдала и жаловалась маме

или бабушке. Если маме, то меня наказывали, если бабушке – делали вид, что наказывают, благо бабуля во мне души не чаяла.

В Советском Союзе к детям относились совсем не гуманно. Это теперь учителя, выгнавшего ребенка из класса за грубость и непослушание, обвиняют во всех смертных грехах, а папашу, шлепнувшего зарвавшееся чадо, могут вообще лишиться родительских прав. В добрые же старые времена, особенно в семьях с невысоким уровнем образования и злоупотребляющих алкоголем, совершенно не считалось зазорным снять с детской задницы штаны и отлупить отпрыска как следует, а иногда и высечь ремнем. В более культурных слоях, к которым, к счастью, относилось и наше семейство, телесные наказания были не в почете, но другие методы воспитания использовались регулярно. Самой распространенной экзекуцией была опция «поставить в угол». Провинившемуся (как ни странно, чаще всего им оказывался я) строго говорили: «Иди в угол!» – и для верности указывали направление пальцем. И тот стоял, упершись грустным взглядом в стену, пока инквизиторы не соизволят сжалиться и не разрешат вернуться в общество. Видимо, задача этой процедуры заключалась в том, чтобы сосредоточить внимание наказанного на гнусности его поведения с целью дальнейшего всеобъемлющего покаяния. Однако – по крайней мере, сколько себя помню – последнее никогда не было искренним, хотя дежурную фразу: «Простите, больше так не буду!» – произносить приходилось. Время же, проведенное в углу, впустую не тратилось: сколько же разных новых пакостей и каверз рождалось в голове в процессе страдания от несправедливости бытия!

Однажды методом подсматривания и подслушивания я заметил, что Ленка с подружкой втихаря отливают у деда из бутылки вино и нагло замещают похищенное подкрашенной водой. Первой мыслью было заложить воровок маме и полюбоваться результатом. Но тут во мне внезапно проснулся талант шантажиста, и внутренний голос прошептал: «Молчи, из этого можно извлечь немалую выгоду!» Я подошел к Ленке, потянул ее за рукав и в ответ на брезгливое: «Чего тебе еще?!» – после театральной паузы тихо произнес:

– Я все знаю про ваши проделки с дедушкиным вином!

Сестрица сделалась пунцовой и пролепетала заискивающе:

– Надеюсь, ты никому не скажешь?

– Не скажу, – ответил я и, получив от нее вздох облегчения, добавил: – Но это будет дорого стоить! С тебя мороженое! Каждый день!

Бедняжке ничего не оставалось, как согласиться, и я в течение месяца наслаждался внезапно свалившимся счастьем. До тех пор, пока не был застукан за изъятием дедушкиных конфет.

– Попался, гаденыш! – радостно завопила Ленка, застигнув меня врасплох у открытой тумбочки ВИ. – Все маме расскажу!

– Это вряд ли, – ответил я, пережив случившееся, – у нас теперь общая тайна!

– Только вместо мороженого будет тебе фигура из трех пальцев! – Ленка показала мне кукиш, победно вскинула голову и удалилась, для убедительности похлопав себя по тощей заднице.

В результате статус-кво восстановился: девчонки продолжали спасать деда от алкоголизма методом разбавления вина, а я – таскать понемножку леденцы, избавляя его от возможного диабета. При этом родители оставались в полном неведении.

В Советском Союзе секс и все, что с ним связано в широком смысле этого слова, являлось абсолютно запретной темой. При покупке в аптеке презерватива (или, по-советски, резинотехнического изделия № 2) обе стороны сделки испытывали чувство неудобства, а покупатель и того хлеще – даже вины. Он озирался, если был один на один с продавцом, или ожидал, пока уйдут другие страждущие, потом быстро подходил к прилавку и молча протягивал две или четыре копейки без сдачи, а аптекарша, покраснев, вытаскивала заветную упаковку откуда-то из-под прилавка, будто продавала что-то запрещенное, и, прикрыв рукой, отдавала клиенту.

Родители считались чрезвычайно продвинутыми и современными, если к шестнадцатилетию своего чада проводили с ним беседу на тему секса, деторождения и принципов контрацепции. Мои мама с папой, как вы уже поняли, были достаточно старомодны, и данные разговоры считались недозволенными. Но бабуля и улица вполне справлялись с запросами любознательного мальчишки, поэтому уже к семи годам я знал совершенно точно, что никакой Дед Мороз детей по праздникам не приносит и что говорить об этом, особенно в общественных местах, ужасно неприлично.

Поэтому, когда моя расфуфыренная сестрица первый раз повезла меня в школу, я, зайдя в троллейбус, дождался относительной тишины после закрытия дверей и, включив максимальную громкость, спросил:

– Лен, а Лен, откуда дети берутся?

Народ опешил, Ленка сделалась красной, как отварной рак, и, больно сжав мою руку, зашипела:

– Заткнись, мерзавец!

Но я не унимался и, выдернув руку, стал канючить:

– Ну расскажи, расскажи, тебе жалко, что ли?

Пассажиры делали вид, что им абсолютно неинтересно происходящее, но украдкой поглядывали на сестру с явным желанием узнать, чем же все закончится. Та потела, бледнела, краснела, пыталась переключить меня на другую тему, но я был неумолим. Экзекуция продолжалась все четыре остановки, и даже пара полученных при выходе из транспорта подзатыльников не могла испортить сладкое чувство хорошо выполненного долга. Разумеется, после такого успеха я регулярно повторял проделанное при поездках в школу, так что Ленка выходила со мной из дома по утрам, как на казнь. Она даже пыталась вести меня в школу пешком, но я моментально начинал громко рыдать, вынуждая несчастную провожатую зайти в троллейбус. Там слезы тут же высыхали и начинался театр. Но однажды, поднявшись на ступеньку, я задумался о чем-то ужасно важном и забыл задать традиционный вопрос. Однако Ленка настолько привыкла к моим ежедневным выступлениям, что произнесла негромко, но вполне отчетливо:

– Я уже тебе говорила не раз, что детей не в капусте находят!

Поняв, что дала ответ на вопрос, которого на сей раз не было, она осеклась. Троллейбус замер, а пожилая тетя в строгих очках с переднего сиденья завопила:

– Вот молодежь пошла, совсем обнаглели! Такие лекции детям читать в общественном месте! Совести нет, чему только родители учат!

Тирада продолжалась целую остановку. Потом к тетке присоединился беззубый старик в треухе, следом еще кто-то... Малиновая и мокрая от пота сестрица не промолвила ни слова; я же стоял потупив взор, с совершенно невинным видом, ведь я был абсолютно ни при чем! Правда, при выходе получил свой привычный подзатыльник. За что – не знаю, не понять этих девчонок...

Помимо прямоходящих двуногих, в нашей квартире проживали также двое четвероногих – собака Джулия, в просторечье Жужа, и кошка Клеопатра, в быту Клепа. Жужа, черный пудель средних размеров, отличалась веселым нравом и была абсолютно безобидна. Ее заливистый, но при этом довольно грозный лай мог ввести в заблуждение незнакомого человека, но самое страшное, что могла сделать наша собака, – этолизать кого-нибудь до смерти.

Флегматичная и холодная сиамская кошка вела себя сообразно имени. Она явно ощущала себя пупом земли и была абсолютно уверена в том очевидном факте, что Земля вращается исключительно вокруг нее. Она позволяла себя любить и ласкать, но только тогда, когда ей самой этого хотелось. Как и всякая другая порядочная кошка, Клепа гуляла сама по себе, а любимым развлечением ее было забраться на возвышение и ловить за роскошный шнуровой хвост снующую туда-сюда Джулию.

Сказать, что звери дружили, нельзя: это было бы, наверное, неправдой. Скорее, они друг друга терпели и жили бок о бок примерно так же, как ВИ с бабушкой Валеи.

Деревня Клюквино

Наш замечательный дом в деревне, как нам казалось, находился на самом краю света, хотя расстояние до него по нынешним меркам смех да и только – каких-то сто шестьдесят или чуть больше километров. Неблизкий путь занимал часа четыре-пять, если ехать на личном автомобиле, и шесть-семь – на общественном транспорте. В последнем случае надо было добраться до вокзала, просидеть (или, коли не повезло, простоять!) два с лишним часа в электричке, дожидаться проржавевшей рейсовой колываги, гордо именуемой автобусом и ходившей раз в час, да и то если не сломается. После чего предстояло прошлепать три километра по пересеченной местности пешком в полной выкладке – то есть с запасом провизии, одежды, разных банок и склянок, рассады и прочих радостей деревенской жизни. Но мы были молоды, особенно ваш покорный слуга, и все это не доставляло ни малейших неудобств. Наоборот, все ждали с нетерпением пятницы или субботы, в зависимости от занятости родителей, чтобы совершить это увлекательное путешествие, насладиться деревенским бытом в течение суток и повторить тернистый путь в обратном направлении в воскресенье вечером.

Как говаривал классик, губят Россию дураки и дороги. Действительно, в Советском Союзе качество дорожного полотна оставляло желать много лучшего. Даже в крупных городах ямы и трещины в асфальте представляли серьезную угрозу для любых образцов отечественного автопрома (впрочем, других и не было), а уж в сельской местности царило просто великое бездорожье, превращавшее любого крутившего баранку в мастера экстремального вождения и автомеханика в одном лице. Дорога в наше Клюквино ничем принципиально не отличалась от тысяч других трасс местного значения. От вокзала в деревенскую даль убегала улочка, покрытая растрескавшимся асфальтом, качество которого прогрессивно снижалось по мере углубления в просторы области. Километров через десятьдвенадцать на замену ему приходили железобетонные плиты, положенные фантастически криво, с торчащими кое-где кусками арматуры, будто специально оставленными незадачливыми строителями для усложнения движения и повышения уровня адреналина в крови водителя. В некоторых местах плиты отсутствовали, и ехать приходилось по глинистому проселку, легко превращавшемуся в дождливую погоду в грязевую жижу. Так продолжалось до последнего на нашем пути центра цивилизации – села Хлебниково, где покосившаяся конечная остановка автобуса, густо исписанная вовсе не древнеримскими текстами преимущественно непристойного содержания, обозначала конец полу-бетонной трассы и начало истинно проселочной дороги. Семь с лишним месяцев в году она была абсолютно непригодна для проезда транспорта, в глубокой колее и непролазной грязи подчас застревали даже трактора. Зимой (а зимы тогда были холодными, не в пример нынешним!), когда морозы превращали месиво в камень, проехать было бы легко, если бы кто-нибудь удосужился расчистить снег, но желающих не находилось вплоть до новогодних каникул. В это время появлялись дачники вроде нас, нанимали за бутылку-другую водки трактор, и тот проделывал в снегу узкий тоннель шириной в одну машину с возможностью, как сказали бы теперь, реверсивного движения. После окончания каникул дорогу постепенно заваливало снегом, и она вновь засыпала в ожидании лета. В оставшиеся полтора-два летних месяца до нашей богом забытой деревни можно было доползти на автомобиле – и то при условии полного отсутствия дождей. Водители же автобуса предпочитали не рисковать и не соглашались ехать за пределы своей конечной остановки даже в это благодатное время ни за какие коврижки после того, как один незадачливый шофер, беззаветно влюбленный в денежные знаки, согласился-таки на смелый эксперимент и попытался за скромную мзду довести нас до места назначения. Эксперимент закончился весьма плачевно: не проехав и полкилометра, старая колывага осталась без заднего моста, в результате чего ее пришлось эвакуировать с огромными сложностями, а народ остался на несколько дней без рейсового автобуса, ибо замены ему найти не

представлялось возможным. Вызванный на ковер водитель рассказал грустную историю, как он абсолютно безвозмездно решил помочь старикам и беременным женщинам добраться до дома, раскаялся, пустил слезу, получил строгий выговор по партийной линии и продолжил трудовую деятельность, благо заменить его тоже было нечем. Найти в тех краях относительно трезвого субъекта мужского пола – это была задача непосильная...

Если отбросить качество покрытия, дорога в деревню представляла собой немалую ценность для любого романтически настроенного писателя или художника. Она стелилась вдоль живописного берега речки Векши – то более, то менее крутого, то покрытого деревьями и кустами, то вдруг удивлявшего великолепным белым песчаным пляжем, возле которого просто невозможно было не остановиться и не пройтись босиком до самой воды, чистой и прозрачной. Какое же это наслаждение, особенно в летнюю жару, – извлечь потное тело из раскаленной пыльной машины и погрузить его в речную прохладу или хотя бы зачерпнуть ладонью немного воды, выпить глоток и обтереть лицо, шею, руки! В те старые добрые времена пить воду из реки было совершенно нестрашно и абсолютно безопасно... По другую сторону дороги бескрайние поля сменялись километрами веселых березовых рощ или надменного хвойного леса. Чтобы обеспечить себе приличный улов грибов, надо было просто остановиться в любом удобном месте и заглянуть в лесок на полчаса, после чего ты гарантированно мог выйти оттуда с корзинкой, полной подберезовиков, подосиновиков и белых. Всякие там разные сыроежки никто даже и не брал.

Основная часть нашей деревни тоже покоилась на берегу Векши. Пятнадцать или семнадцать деревянных халуп, в основном одноэтажных, с участками совершенно разных размеров, в зависимости от возможностей хозяев. Нет, не подумайте: речь не о финансовых ресурсах. В те годы в сельской глуши никто и не думал обращаться в кадастровый отдел или еще куда-нибудь, чтоб оформить земельный надел. Просто брали и огораживали по договоренности с соседями, если таковые имелись, столько соток, сколько могли обработать. Если же соседей не было, то и договариваться было не с кем. Газ в деревне, разумеется, отсутствовал, поэтому в каждом доме стояла русская печь, которую топили дровами. С последними проблем не было никаких, ибо захолустье наше с двух сторон находилось в окружении первозданного леса, блуждая по которому в течение многих часов можно было не встретить ни одного человека. Соответственно, и количество валежника позволяло обеспечить топливом всех жителей на всю оставшуюся жизнь без уничтожения лесного массива. И только лишь при строительстве новых домов или технических построек прибегали к браконьерской вырубке деревьев, благо наказывать за это было абсолютно некому. А еще с двух сторон к деревне примыкали колхозные поля, на которых, руководствуясь совершенно непонятной мне логикой, ежегодно высаживали различные сельскохозяйственные культуры. Приезжая впервые после зимы, мы живо интересовались весенними посадками и с особенной радостью обнаруживали на каком-нибудь из полей ростки гороха, ибо не было большего счастья у пацанов, чем, завалившись в его заросли, обрывать умопомрачительно пахнущие стручки покрупнее и хрумкать до отвала зеленые влажные горошины.

Метрах в двухстах от основного жилого массива, на отшибе, ютились два небольших домика. Один из них принадлежал нам, другой – семейству Тетюхиных, с младшим из которых, моим ровесником Колькой, я дружил. Колькин папа исчез, когда я пребывал еще в малознательном возрасте, потому его практически не помню. А вот мама, Тамара Григорьевна, отличалась прогрессивными взглядами и считала, что детям не стоит ничего запрещать, так что завидовал я своему другу ужасно. Еще с ними жила страшно древняя сумасшедшая бабуся Калерия Ивановна (Сейчас я понимаю, что лет ей было не более шестидесяти, просто она страдала болезнью Альцгеймера.) Старушка постоянно ругалась по поводу и без или бормотала что-то себе под нос. Если вдруг наступал момент, когда голоса Калерии не было слышно, все сразу же начинали нервничать и отправлялись на ее поиски, поскольку эта подозрительная

тишина означала, что она куда-то опять ушла и потерялась. Спички в их доме хранились только в надежном месте, так как любимой забавой хулиганистой старушки было разжечь костерок на дощатом полу дома и глазеть на огонь, что, как известно, можно делать бесконечно. Однако совместно проживающим с бабушкой родственникам ее страсть к такому развлечению почему-то категорически не нравилась...

Наш участок прямоугольной формы площадью соток пятнадцать огородили, можно сказать, комбинированным способом: часть забора была выполнена посеребрившим от времени штакетником разной длины и ширины, часть – местами поржавевшей и потерявшей свои ячейки сеткой-рабицей. За калиткой из той же сетки на деревянном каркасе с весьма символическим навесным замком, смысла которого я никогда не понимал, начиналась выложенная битым кирпичом тропинка к дому. Последний изначально представлял собой сруб из толстых бревен, щедро проложенных паклей для утепления, с дощатым крашеным полом, разделенный на маленькую кухню с чуланом и две комнаты метров по пятнадцать каждая с печкой в стене между ними. В дальнейшем сруб обшили для красоты и дополнительного утепления досками и пристроили к нему каркасную неотапливаемую часть исключительно летнего назначения – веранду и столовую с большими (говоря нынешним языком – панорамными) окнами и открытую террасу размером квадратов сорок, на которой собирались все окрестные дети для игр в дождливую погоду.

Хоромы располагались у одной из коротких сторон забора, а вокруг лежали грядки с клубникой и цветочные клумбы. У дальнего края участка сажали огород: морковь, лук, чеснок, кабачки, капусту, всяческую зелень и огурцы с помидорами, которые вызревали не всегда. На всей территории в шахматном порядке росли фруктовые деревья – яблони, вишни и груши, а также кусты смородины и крыжовника, плодоносившие на удивление исправно и обильно. Их мы любили объедать всем детским стадом – это называлось у нас «пасться».

В Советском Союзе, не отличавшемся изобилием товаров, каждый уважающий себя обладатель шести или более соток земли считал своим долгом обеспечить семью овощами и фруктами на максимально долгий срок – желательно на всю зиму. Возращенные непосильным трудом огурцы и помидоры мариновались и солились, квасилась в деревянных бочках капуста с морковью; черная смородина замораживалась живьем, как и пересыпанные солью петрушка с укропом; варились компоты из яблок и вишни в промышленных масштабах. Репчатый лук тщательно просушивался и любовно складывался в ящики, а чеснок – в стеклянные банки. Ну а уж снабдить себя картошкой было просто делом чести.

Мои родители не отличались оригинальностью и поступали как все, потому в один вовсе не прекрасный момент мама произнесла тоном, не терпящим возражений:

– Все, хватит бездельничать. Будем сажать картошку. Покупать ее, да еще по таким ценам, – она закатила глаза к небу, – просто безумие!

Конечно, насчет цены матушка несколько перегнула, ибо десять копеек за килограмм вполне могла себе позволить семья со средним достатком, но спорить с хозяйкой, как, впрочем, и всегда, никто не решился, поскольку дело это было бессмысленное и небезопасное.

Под посадку картофеля от колхозного поля мы решительно отхватили соток десять земли и за умеренную плату в жидкой валюте пригласили тракториста, который и перепахал моментально присвоенную территорию. Посадочный материал в виде проросших клубней средних размеров приобрели у местных жителей – как всегда, в порядке натурального обмена – и торжественно запахали его в землю. В процессе принимало участие семейство в полном объеме, включая путающуюся под ногами и всем мешающую Джулию и издали созерцающую все это безобразие Клеопатру. В последующие пару-тройку месяцев умы и руки Мартыновых частично поглотила Ее Величество Картошка. Ее постоянно поливали (лето, как назло, выдалось засушливое), пололи, окучивали и разве что танцев с бубнами вокруг нее не устраивали в ожидании фантастического урожая. Первый тревожный звоночек прозвучал очень скоро.

Выяснилось, что не только советские трудящиеся любят лакомиться картофелем. Похожими вкусовыми пристрастиями обладают и некоторые совсем не дружественные человеку жесткокрылые, в частности весьма прожорливый колорадский жук. Правда, мы едим корешки, а он – вершки. Казалось бы, пусть себе питается, нам ведь ботва не нужна. Да только беда в том, что после трапезы этого красавца корешки не растут совсем... Вот так и пришлось вступить в длительный неравный бой с явно превосходящими – по крайней мере, количественно – силами полосатых, как Билайн, насекомых. В довершение к этим неприятностям ответственным за уничтожение жуков назначили вашего покорного слугу – без всякого на то его желания. «Ты молодой, а потому самый глазастый, – отрезала мать. – Будешь собирать вредителей!» Было обидно, особенно с учетом довольного вида злорадно ухмыляющейся Ленки. Но от судьбы не уйдешь, и вот уже каждый божий день наблюдалась такая картина: по утрам вместо веселых игр с товарищами печальный маленький мальчик в смешной панамке бредет вдоль длинных грядок цветущего картофеля. Через его плечо перекинута веревка с банкой керосина, в которую он с отвращением бросает жадно поедающих листву насекомых...

И вот наконец наступает осень, а вместе с ней и торжественный момент сбора урожая. Все семейство наготове: мама раздает взаимоисключающие команды; у отца, Ленки и меня в руках лопаты; Джулия мешается под ногами, Клеопатра созерцает. Выкопан первый куст... странно... Наверное, его плохо поливали: вместо двухсотграммовых клубней на его корнях непонятные горошины. Следующий, видимо, съеден подлым жуком. Следующий... да кто ж его знает?.. Потом еще и еще... В итоге на грядках остается лежать вялая ботва, а самая крупная найденная картофелина оказывается существенно меньше первично посаженной. Немая сцена...

Курильщики

Кроме нас с Ленкой и Коли Тетюхина, детей в деревне было немного. В чистеньком и всегда идеально окрашенном домике у реки жил с дедом и бабушкой наш погодок Аркашка, с которым мы с Колькой и коротали долгие летние дни и вечера. Дед Анатолий Михайлович, человек с золотыми руками, постоянно что-то мастерил или хлопотал на участке, периодически украдкой прихлебывая явно не березовый сок из выдавшей виды армейской фляжки, чтоб не дай бог не увидела Тамара Ивановна, его жена и по совместительству Аркашина бабушка, которую он боялся как огня, и не зря. Тамара Ивановна была женщина властная и решительная, ходила всегда в накрахмаленном, идеально белом переднике, невзирая на погоду и время суток, и отличалась патологической любовью к чистоте. На пол, в котором отражались все находящиеся в комнате предметы, было страшно ступить, а у пылинок даже и мысли не возникало приземлиться на какую-нибудь открытую часть Тамариного интерьера. Неудивительно поэтому, что она не любила гостей и детей, так что в ее доме мы практически не бывали. А вот Анатолий Михайлович, особенно когда выпивал лишку, умудрялся попасть под горячую руку супруги, ввалившись, например, в дом в уличной обуви. Об этом моментально узнавала большая часть деревни, ибо раздавался истошный женский крик, из двери вылетал испуганный дед, а за ним с воплем неслась разъяренная фурия, охаживая веником или шваброй своего благоверного. Такая же участь ждала несчастного, если он попадался за распитием спиртного, – при этом удары шваброй сопровождалась проклятиями типа «чертов алкаш» или чем-то в этом роде. При благоприятном стечении обстоятельств деду удавалось скрыться в мастерской, где он поспешно запирался изнутри на щеколду, а бабка, поломавшись для порядка минуту-другую в закрытую дверь, величественно удалялась, шурша накрахмаленным передником.

Помимо чистоты, другой патологической страстью Тамары Ивановны был ее внук, в котором она души не чаяла и пыталась оградить от любых возможных проблем, вследствие чего Аркадий получал немалый вред и море насмешек от товарищей. Даже кличкой Пудель он был обязан своей бабушке. Поскольку мальчик основное время проводил у нас с Колькой и частенько заигрывался дольше, чем хотелось бы Тамаре Ивановне, она приспособилась вызывать его домой с помощью милицейского свистка. Разрывавшая тишину трель означала строгое: «Аркаша, быстро домой!», а очевидная аналогия с нашим пуделем Джулией, шустро прибегавшей на свист, виляя хвостом, привела к рождению клички, сопровождавшей нашего приятеля долгие годы.

Курение в СССР было очень распространено и зазорным абсолютно не считалось. Мужчины курили почти все, женщины – в большинстве. Курили профессора, сантехники и студенты; курили школьники, несмотря на получаемые при этом взбучки. В нашей семье не страдали этой вредной привычкой только ВИ, фанатично оберегавший свое здоровье, и я – по причине малолетства. Ленка тоже официально считалась некурящей, хотя, подозреваю, втихаря покуривала, но так, чтобы родители и, разумеется, я ни в коем случае об этом не узнали. Мать портила легкие и прочие органы сигаретами с фильтром, отец курил папиросы «Казбек», при этом закупал их в огромном количестве, чтоб, не дай бог, в самое неподходящее время не закончились, и валялись эти пачки по всему дому, что в один прекрасный момент и послужило непреодолимым искушением для вашего покорного слуги.

Стояло жаркое лето, поэтому мы, мальчишки, с раннего утра до позднего вечера болтались на улице, занимаясь разными важными делами: играли в мяч и бадминтон, поднимали клубы дорожной пыли игрушечными самосвалами и молоковозами и втихаря, поскольку это категорически не приветствовалось без сопровождения взрослых, бегали купаться на речку. Но мало ли что там запрещали эти взрослые! Уследить за тремя юными сорванцами на бескрайних деревенских просторах было совершенной утопией.

Однажды, наевшись до отвала свежесозревшего гороха, мы валялись в его зарослях на колхозном поле и глазели, шурясь от солнца, на пухлые белые облачка причудливой формы, шустро несущиеся по небесной синеве.

– Интересно было бы попробовать покурить, – вдруг задумчиво проговорил я, нарушая послеобеденный покой.

– Я – за, – быстро откликнулся Колька.

– А если поймают? – засомневался Аркашка.

– Не хочешь – мы без тебя будем, а ты иди к своей бабуле, она тебя давно ждет, – отрезал Колька.

Я согласно кивнул.

– Ладно, я с вами, – немного подумав, вздохнул Пудель.

Консенсус был достигнут быстро, и мы, словно малолетние преступники, приступили к разработке хитрого плана.

Торопиться не стали: сначала решили подготовить стратегический запас курева, оборудовать укромное местечко для тайнства, а уж потом приступать к вкушению запретного плода.

Метрах в двухстах от наших домов в молодом березняке мы построили просторный шалаш, в котором могли спокойно разместиться в положении сидя три восьмилетних мальчика. Аркашка должен был таскать потихоньку у деда сигареты по одной-две в день, так, чтоб было незаметно. Я взял на себя обязательство добыть отцовских папирос. И только Колька остался без дела: его мать и, само собой, Калерия Ивановна в курении замечены не были.

Я достаточно оперативно справился с поставленной задачей. Наступила пятница, и мы, как всегда, с нетерпением ожидали приезда родителей, то и дело бегая на край деревни, чтобы встретить отцовскую «Победу». Наконец послышался гул приближающегося мотора, и коричневое пятно стало неумолимо превращаться в узнаваемый пыльный автомобиль, который через несколько минут, тяжело вздохнув, замолк у нашего забора под восторженные крики встречающих. Я бросился на шею устало вытирающему пот со лба отцу, Ленка накинулась на мать, а бабушка Валя с умилением смотрела на эту лирическую сцену, скрестив на груди руки. Мы в меру сил помогли родителям занести в дом многочисленные сумки и с энтузиазмом стали вытаскивать содержимое, ожидая встретить гостинцы.

В советское время в эпоху тотального дефицита дети не были избалованы ни деликатесами, ни обилием игрушек. Пара кукол у девочек и машинок у мальчиков считалась вполне достаточным ассортиментом, так что несколько шоколадных конфет и связка бананов вызывали неподдельную радость у подрастающего вечно голодного поколения. А еще на время пребывания на даче родителей нам в безраздельное пользование доставалась отцовская «Победа», в которой мы играли, по очереди изображая водителя и безуспешно пытаясь повернуть тугой руль.

В этот раз у меня был еще один тайный интерес, и я с замиранием сердца ожидал момента, когда отец достанет из заветной сумки кучу пачек «Казбека» и небрежно бросит их на сервант. Ожидания оправдались полностью, и вскоре россыпь папиросных пачек манила и призывала к незамедлительному акту похищения. Я улучил момент, когда никого в столовой не было, ухватил одну из них, выскочил на улицу, бросил добычу в куст крыжовника и стал ждать, не хватится ли отец пропажи. Но тот, разумеется, ничего не заметил, и через несколько часов запретный плод переместился в тайное убежище. Аркадий тоже зря времени не терял. Он ежедневно таскал у деда сигареты, и к моменту моего хищения их набралось достаточное количество.

Все было готово к действию, и, с трудом дождавшись отъезда гостей, наша троица заговорщиков собралась в шалаше для обсуждения плана мероприятий. Кольке, чтоб от него была хоть какая-то польза, поручили притащить спрятанные от Калерии спички. Выкуривать же

постановили ежедневно утром по одной сигарете и одной папиросе на каждую несовершеннолетнюю физиономию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.